

Т.В. Коротченко
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет

Шекспировский текст в рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок» в англоязычном переводе.

Статья посвящена вопросу сохранения в переводе интертекстуальных элементов и их узнаваемости воспринимающей культурой. Представлен анализ примеров интертекстуальной связи между рассказом Ф.М. Достоевского «Бобок» и трагедией В. Шекспира «Гамлет». Описываются особенности передачи «чужого» текста при переводе на язык оригинала референтного текста.

Ключевые слова: интертекстуальность; художественный перевод; Ф.М. Достоевский; рассказ «Бобок»; В. Шекспир; трагедия «Гамлет».

В литературе о Ф.М. Достоевском часто цитируется его известная фраза о «всемирной отзывчивости» [5, с. 130] русской культуры в целом и А.С. Пушкина, в частности. Думается, что озвученная писателем формула об открытости и готовности русской нации к диалогу, в полном объеме применима и к творчеству самого Достоевского. В сущности, все произведения писателя формируются в диалоге с художественными мирами, философскими постулатами его предшественников и современников, что подтверждается многочисленными исследованиями, посвященными изучению интертекстуальной поэтики писателя [2, 8, 9].

В гуманитарной науке теория интертекстуальности известна по работам Ю. Кристевой и Р. Барта, основные идеи которых восходят к диалого-полифонической концепции М.М. Бахтина: «слово по своей природе диалогично», диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка» [1, с. 205]. При этом на сегодняшний день не существует общей теории интертекстуальности, что, возможно, связано с разным наполнением содержания самого термина. Так, Ж. Женетт рассматривает интертекстуальность как один из типов транстекстовых отношений [13, с. 53], а М. Риффатер [13, с. 54] вводит категорию читателя как ключевую в фиксации наличия интертекстуальной связи между произведениями. Несмотря на пестроту трактовок понятия интертекстуальности, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что текст приобретает смысловую полноту именно в соприкосновении с межтекстовым пространством культуры.

В рамках нашего исследования мы будем вслед за Н. Пьеге-Гро рассматривать феномен интертекстуальности как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст» [13, с. 46], как «взаимопересечение текстов» [13, с. 49]. При этом взаимодействие текстов

может иметь разные формы, которые, в свою очередь, могут обладать разной степенью манифестированности. В этом отношении можно говорить об эксплицитном пересечении текстов, например, цитате, референции и аллюзии, и имплицитном пересечении, которое подразумевает близость текстов не столько в языковом плане, сколько в тематическом.

Настоящее исследование посвящено вопросу сохранения в художественном переводе интертекстуальных элементов и их узнаваемости воспринимающей культурой. Объектом анализа стал рассказ Достоевского «Бобок» и его англоязычная версия, выполненная Б.Л. Бразодем в 1949 г. Издание представляет собой одну книгу, в которой опубликованы все главы «Дневника» за все годы. В рамках данной работы мы намеренно не включаем в анализ сопоставление двух текстов в аспекте типологических сходжений. Фокус нашего внимания сосредоточен на особенностях функционирования в рассказе Достоевского аллюзий на трагедию В. Шекспира «Гамлет» и возможности их передаче на английский язык, который одновременно является языком референтного текста (в паре рассказ «Бобок» и трагедия «Гамлет») и манифестного текста (в паре рассказ «Бобок» и трагедия «Гамлет»).

Наличие связей между творчеством Шекспира и художественным наследием Достоевского не вызывает никаких сомнений. Активно данную тему изучали такие исследователи, как Ю.Д. Левин [11], В.Н. Захаров [7], К.А. Степанян [15], Р. Белнап [17] и др.

С творчеством английского писателя Достоевский был знаком с детства. Подтверждением этому являются его собственные многочисленные высказывания о произведениях Шекспира. Так, в письме брату Михаилу от 9 августа 1838 г. он пишет: «Как малодушен человек! Гамлет! Гамлет! Когда я вспомню эти бурные, дикие речи, в которых звучит стенанье оцепенелого мира, тогда ни грусть, ни ропот, ни укор не сжимают груди моей... Душа так подавлена горем, что боится понять его, чтоб не растерзать себя» [6, с. 50]. Аллюзии, реминисценции и непосредственное упоминания имени английского драматурга или героев его произведений встречаются и в художественном наследии писателя. Как пишет К. Степанян, «образы Шекспира <...> становятся для Достоевского одними из главных «составляющих» того достигнутого человечеством знания, к чьей помощи обращается он в своем творчестве» [15, с. 155].

Интересным представляется наблюдение В.Н. Захарова о том, что Достоевский, komponуя рубрики очередного выпуска газеты-журнала «Гражданин», намеренно размещает анекдот, в котором упоминается имя английского драматурга, перед рассказом «Бобок», тем самым создавая для читателя определенный контекст восприятия последующего материала и актуализируя интертекстуальную связь рассказа с творчеством Шекспира. Стоит отметить, что такая явная отсылка автора к референтному тексту

могла быть очевидной только для читателей журнала, когда «Дневник писателя» публиковался не самостоятельным изданием, а как часть «Гражданина».

Несмотря на отсутствие прямой отсылки к творчеству английского драматурга в отдельном издании «Дневника писателя», читатель, в том числе и переводчик, способен уловить референтные знаки непосредственно в тексте рассказа.

«Бобок» представляет собой кладбищенский разговор мертвых, который неожиданно подслушал и записал неудачливый литератор. Несмотря на простоту сюжета, тем не менее исследователи единодушно отмечают его идейную сложность, противоречивость и неоднозначность. Оставляя за рамками настоящей статьи анализ вопросов, связанных с генезисом рассказа, его проблематикой, жанровым своеобразием и биографическим контекстом (тем более, что есть ряд значимых исследований [12, 14, 16]), мы все-таки позволим себе озвучить те основные темы, которые актуализируются Достоевским в этом рассказе, а именно смысл человеческой жизни и ее высшее назначение, соотношение живого и мертвого, духовного и телесного. Живые мертвецы Достоевского за игрой в карты и со страстным желанием более «ничего не стыдиться» [4, с. 52] размышляют о причинах странного запаха, их способности слышать и говорить, превращая тем самым все рассуждения в фарс.

В трагедии Шекспира «Гамлет» есть сцена, в которой принц встречается с Горацио на кладбище, где происходит разговор с могильщиками, роющими могилу для Офелии. Как и в рассказе Достоевского в английской трагедии в разговорах героев затрагиваются вопросы о живых мертвецах и гнилых душах, скорости разложения человеческого тела, законов для благородных людей и простолюдинов. Очевидно, что рассказ Достоевского становится неким продолжением разговора шекспировских героев, что подтверждается наличием в тексте многочисленных аллюзий на трагедию «Гамлет». Писатель дает возможность читателю погрузиться в мир мертвых и посмотреть на те же вопросы, но уже с другой стороны.

Сохранение интертекстуальных связей в переводе художественного произведения является одной из наиболее сложных переводческих задач. Не случайно Л.И. Гришаева отмечает, что интертекстуальность исходного текста является «фактором риска в переводческой деятельности» [3, с. 46]). Переводчик не только должен уловить отсылки автора к референтному тексту, но и найти адекватный вариант передачи интертекстуальных элементов в другую лингвистическую культуру. Адекватность определяется ориентацией как на реципиента, так и на художественную стратегию писателя манифестного текста, представляющей собой «единый смысловой узел» [13, с. 39].

Аллюзия классифицируется филологами как намеренная отсылка писателя к референтному тексту или событию. В этом отношении, аллюзия становится формой осознанного диалога двух и более художественных миров. Отсылка к тексту шекспировской трагедии в рассказе «Бобок» происходит за счет обращения к мотивам «запаха» и «гниения».

В разговоре с могильщиками Гамлет пытается выяснить за какое время сгнивает человеческое тело:

HAMLET: How long will a man lie i'th' earth ere he rot? / Гамлет: Сколько времени пролежит человек в земле пока не сгниет?

GRAVEDIGGER: Faith, if he be not rotten before he die (as we have many pocky corsers (nowadays) that will scarce hold the laying in), he will last you some eight year or nine year. / Могильщик: Послушайте, если он не сгнил еще до смерти (а то у нас много сейчас лживых покойников, которые едва похороны выдерживают), он пролежит лет восемь или девять. <...>

HAMLET: Dost thou think Alexander looked o'this fashion i'th' earth? / Гамлет: Как ты думаешь, у Александра был такой же вид в земле?

HORATIO: E'en so. / Горацио: Такой же.

HAMLET: And smelt so? Pah! / Гамлет: И также пахнул? [18, p. 250–251].

Ключевыми идиоглоссами в диалоге становятся слова «*rot*» и «*smell*», которые, ввиду контекста, актуализируют представления о смерти – как телесной, так и духовной. Аналогичные и еще более развернутые размышления героев о жизни после смерти и смерти при жизни можно встретить в рассказе «Бобок»:

«Все сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем **разложился**, но раз недель в шесть он все еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок. <...> Он именно про обоняние заметил, что тут **вонь** слышится, так сказать, нравственная хе-хе! **Вонь** будто бы души» [4, с. 51].

Лексема «гнить» встречается в рассказе несколько раз в основном в заключительной части, при этом дважды его произносит Клиневич, главный циник рассказа, который призывал всех перестать стыдиться и провести последние дни как можно веселее: «Я, знаете, из плотоядных. Все это там вверху было связано **гнилыми** веревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!» [4, с. 52] <...> «Здесь вы **сгниете** в гробу, и от вас останется шесть медных пуговиц» [4, с. 53].

Распознавание читателем интертекстуальной информации в случае, когда язык референтного текста совпадает с языком перевода манифестного текста, возможно при использовании переводчиком тех же лексем, что используются писателем в референтном тексте. В этом случае

слова, играющие ключевую роль в формировании перекликающихся мотивов, выполняют роль референциальных сигналов, позволяющих читателю распознать интратекстуальные включения.

Достоевский, вводя в текст рассказа отсылки к творчеству английского драматурга, не просто отсылает читателя к шекспировской трагедии, а позволяет мотивам «запаха» и «гниения» стать смыслообразующим стержнем произведения, отражающим внутреннюю деградацию героев. Мотив «гниения» в тексте Достоевского формируется за счет слов «разлагаться» и «гнить». Более нейтральное слово «разлагаться» в основном встречается в первой части рассказа, в то время как слово «гнить» используется героями и повествователем в его кульминационной точке. Для передачи значения лексической единицы «гнить» переводчик во всех случаях использует слово «rot», что соответствует тексту Шекспира. Однако слово «разлагаться» каждый раз переводится по-разному: «taint», «decompose». Мотив «запаха» в рассказе формируется через такие лексемы, как «дух», «запах», «вонь», позволяющие автору актуализировать вопросы соотношения телесного и духовного, земного и вечного, нравственного и безнравственного. Достоевский вводит лексемы в каждую часть рассказа, и они становятся элементами смысловой градации [10, с. 39]. Для передачи этих «лексем» переводчик использует следующие слова: «atmosphere», «spirit», «stench», «stink».

Варианты переводов ключевых идиоглосс, образующих мотивы «запаха» и «гниения» и отсылающих к шекспировской трагедии, демонстрируют ориентацию переводчика в большей степени на сохранение авторской стратегии, своеобразия манифестного текста, чем на активацию культурной памяти реципиента. Если рассматривать перевод как вид межкультурной коммуникации в рамках оппозиции «свой-чужой», то вопрос о распознавании переводчиком интратекстуальной связи между рассказом «Бобок» и «Гамлетом» уходит на второй план. Приведенные в статье наблюдения позволяют сделать вывод о том, что для англоязычной культуры важным в текстах Достоевского становятся не собственные коды, а поэтика и художественный мир русского писателя, феномен Достоевского.

Литература

1. Бахтин, М.М. Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 332 с.
2. Ветловская, В.Е. Проблема источников художественного произведения / В.Е. Ветловская // Русская литература. – 1993. – № 1. – С. 100–116.
3. Гришаева, Л.И. Интратекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности / Л.И. Гришаева // Язык, коммуникация и социальная среда / под ред. В.Б. Кашкина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т ; НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – Вып. 10. – С. 46–68.

4. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, Т. 21. – 1976. – 551 с.
5. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, Т. 26. – 1976. – 518 с.
6. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, Т. 28. кн.1 – 1985. – 572 с.
7. Захаров, В.Н. «Шекспиризм» Достоевского: введение в проблему. Шекспировские чтения 2006 / под общ. ред. И.С. Приходько. Москва : Наука, – С. 309 – 315.
8. Касаткина, Т.А. О творческой природе слова: онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т.А. Касаткина ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького, Комис. по изучению творчества Ф.М. Достоевского ; ред. К.А. Степанян. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004. – 480 с.
9. Кибальник, С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. – Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2013. – 363 с.
10. Коротченко, Т.В. Рассказ «Бобок» Ф.М. Достоевского в переводе Б.Л. Бразоля: к вопросу о жанровых трансформациях / Т.В. Коротченко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – Вып. 1 (225). – С. 103–112.
11. Левин, Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Ленинград : Наука, 1988. – 326 с.
12. Милнер-Галланд, Р. Что происходит в рассказе «Бобок»? / Р. Милнер-Галланд // Вопросы литературы. – 2012. – № 4. – С. 293–312.
13. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
14. Серебряков, А.А., Сычева, Е.О. Рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок» в метатексте литературы / А.А. Серебряков, Е.О. Сычева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 187–193.
15. Степанян, К.А. Достоевский и Шекспир. Герои и авторы в «большом времени» / К.А. Степанян // Вопросы литературы. – 2013. – № 2. – С. 154–183.
16. Тихомиров, Б.Н. Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» / Б.Н. Тихомиров // Неизвестный Достоевский. – Т. 3. – № 3. – С. 92–127.
17. Belknap, R. Shakespeare and the Possessed / Belknap R. // Papers Read at the Fifth International Dostoevsky Symposium : Dostoevsky Studies. – Vol. 5. – University of Toronto, 1984. – P. 63–69.
18. Shakespeare, W. Hamlet. – URL: <https://shakespeare.folger.edu/> (дата обращения: 26.10.2023). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.